

МУЗЫ НАШИХ ДРУЗЕЙ

Во время недавнего пребывания в Будапеште на международной встрече исследователей театра мне посчастливилось увидеть два спектакля, подготовленных к юбилею Октября — «Грозу» Островского в театре «Талия» и «Записки сумасшедшего» Гоголя в Пештском театре — филиале театра «Виг». Театр «Талия» один из самых интересных творческих коллективов Будапешта. Его руководитель Карой Казимир любит преподносить сюрпризы зрителям. Так случилось и на этот раз. Можно спорить с трактовкой «Грозы», которую предложил Казимир, но нельзя отказать ей в новизне и оригинальности.

«Темное царство», его страшная, бесче-

ловечная, губительная сила и его обреченность — вот гласила тема спектакля. При этом режиссер акцентирует религиозную атмосферу в доме Кабановых. Ему мало иконостаса и одной лампады в углу, он всю комнату — как в церкви — застилает иконами и лампадами. Он одевает Кабанюху, как монашескую игуменью. И Катерина в этом доме тоже вынуждена ходить в монашеском платье. Но дважды в спектакле это платье сменяется белоснежным свадебным нарядом. Как невеста, идет Катерина на свидание с Борисом, как невеста, бросается она в холодные объятия Волги.

В строго реалистическую ткань спектакля режиссер вкрапляет символические детали, которые выливаются затем в выразительный финал. Бьется в рыданиях над телом Кати добрый, слабый, безвольный Тихон. Неподвижно застыла за его спиной статная Кабанюха. Все это она предвидела, да остановить не смогла... Черный кружевной платок сполз на темно-красное платье. Качающийся в ночном мраке фонарь бросает на нее кровавые блики. И вся картина финала вызывает в памяти злободневные образы инквизиции. А может быть, эта ассоциация возникает еще и потому, что накануне на этой же самой сцене я видел в спектакле «Измештинки» Р. Хохуга с потрясающей силой поставленную тем же режиссером Казимиром сцену в гитлеровском лагере смерти.

НАДО СКАЗАТЬ, что такие переключки между спектаклями, увиденными в Будапеште, при всем их разнообразии были довольно часты. В театре комедии «Виг» я смотрел пьесу американского драматурга Шисгала «Ох уж эта любовь». В легком ироничном исполнении трех актеров эта пьеса напоминала комедию В. Катаева «Квадратура круга», только вместо любовного квадрата здесь был треугольник, на вершине которого блистала в роли Эллен изумительная Ева Рутткаи. Из двух ее партнеров особенно обращал на себя внимание доловый, нескладный Гарри. Он уморительно изображал то паралитика, то немного, то слепого. Он смешно карабкался на паркет набережной, собираясь топиться. Но помимо комизма актер Иван Дарваш был так проникновенен, что заставлял не только смеяться, но и жалеть его несчастного героя, которого, кстати, по пьесе в юности прозвали Достоевским. Уже в этой незадачной роли в Дарваше угадывался большой мастер трагикомедии. Но то, что он продемонстрировал в «Записках сумасшедшего», превзошло все ожидания.

Прежде всего и больше всего поражает зрителя то, что Дарваш совсем не старается играть сумасшедшего. В начале спектакля его Поприщин — вполне нормальный, спокойный, даже веселый человек. Он радуется жизни, он хочет счастья, любви, как все люди.

СТАРЫЕ ТЕАТРАЛЫ с восторгом рассказывают, как В. И. Качалов в «Братьях Карамазовых» в знаменитой сцене кошмара, найдясь один на сцене, держа в напряжении зрительный зал. Удвоюсь это и Дарвашу. Когда на сцене на две-три секунды гаснет свет, чтобы актер мог переодеться, зрители хоромы откатываются и дышат, затаив дыхание, следят за тем, что происходит на сцене.

Одна из лучших сцен — чтение писем Софией. Отгородившись ширмами, Поприщин готовится насладиться сведениями о своей возлюбленной. Вот он прочел, что Софи влюблена, — и даже взвизнул от радости. Но глубины души возмущает его болтовня Софики о влюбленных в нее псах. Он яростно комкает письмо, он плюется, он ныряет под кровать и, высунав оттуда голову, страстно взывает: «Мне подавайте человека! Я хочу видеть человека...» Но еще более страшный удар ожидает его: он узнает, что Софи любит другого, что она смеется над ним.

Поприщин метнулся к зеркалу, увидел свое изуродованное лицо и ударил кулаком по стеклу, окропавши руку. Не замечая этого, он автоматически шагает по комнате, продолжая читать письма. Рыдания души его. Забавный смешной человек становится трагичным. У него вырывается отчаянный вопль: «Все, что есть лучшего на свете, все достается или камер-юнкерам или генералам». Он бросается к заветному дисконку и, брызгая чернилами, размашисто пишет: «Я люблю на вас...» А потом закрывается я ширме, как в скорлупе, желая спрятаться, отгородиться от жестокого несправедливого мира...

ВТОРОЙ акт — еще большее напряжение. Поприщин стоит перед белой стеной своей комнаты, и одна мысль сверлит его изнемогающий мозг: что сделать, чтобы на свадьбу Софи с камер-юнкером. Нужно стать генералом, нужно стать генерал-губернатором, звучит в его ушах. И он начинает рисовать на стене то, что терзает его воображение: жениха, себя, обнаженную Софи, дом Зверкова, где живет ее приятельница. Он рисует себя сначала маленьким, потом увеличивает свою фигуру все больше и больше. «Отчего я титулярный советник? Почему именно титулярный советник?» — вырывается из самой глубины его души.

Новая навязчивая мысль поражает его мозг — вычитанное в газете сообщение, что в Испании нет короля. Забегал по комнате, заволиновался, не поверил. «Государство не может быть без короля», — бесчисленное число раз записывает он в дневнике. А в следующей картине спокойно и умиротворенно он делает открытие: «В Испании есть король. Он отыскан. Этот король я». Он говорит это, как само собой разумеющееся, удивляясь лишь тому, что это раньше не пришло ему в голову.

В игре Дарваша нет никакой патологии, ничего болезненного. Он замечательно передает сосредоточенность Поприщина на новом открытии, и все его действия приобретают свою логику и последовательность. Король должен иметь магию — значит надо скроить ее из своего нового пламундира. И почему так долго нет депутации из Испании.

СПЕКТАКЛЬ приближается к своей кульминации. В серой спиритической рубашке с оголо бритой головой Поприщин стоит прижавшись к стене. Его обезумевшие глаза, его страдания надрыдают душу зрителей. Что может быть еще? В финале — прямой приказ к зрителям, их совести, состраданию: «Матушка, — молит он со слезами на глазах, — спаси твоего бедного сына! Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, как мучат они его». Я вижу влажные глаза сидящих рядом зрителей, я слышу их учащенное дыхание, комок подкачивается к горлу. Я глубоко убежден, что режиссер исполнил по следную фразу повести, что такой трагедийный Поприщин не может, не должен ее произнести. И вдруг лицо Дарваша меняется, в глазах загораются зазорные огоньки, и издевательски язвительным тоном он спрашивает зрителей: «А знаете ли, что у алжирского бая под самым носом шипка?» И звучит громкий раскатистый смех актера, знаменитый и так редко достижимый на сцене гоголевский смех сквозь слезы.

САМАЯ большая мечта Ивана Дарваша — сыграть «Записки сумасшедшего» на русском языке в Советском Союзе. Ничего неосуществимого в этом нет. И тогда, я уверен, этот спектакль станет настоящим праздником для советских зрителей, как сейчас он стал праздником для жителей Будапешта.

Г. ХАЙЧЕНКО,
кандидат искусствоведения.